

Се Вэнь смахнул его пальцы, высвобождаясь из чужой хватки. Не поднимая взгляда, он стал медленно застёгивать пуговицы своего халата и затем произнёс:

— Тебе не следовало удерживать меня здесь.

Хотя его длинные волосы уже подсохли, они всё ещё оставались влажными. Спадая на плечи, пряди оставляли тёмные разводы на светло-зелёном одеянии, отливая мягким блеском. Рука Сяо Сюаньцяня замерла в воздухе, словно порываясь коснуться этих волос, но в итоге опустилась обратно и упрямо, но бережно обхватила запястье Се Вэня.

— Давай я помогу, — сказал Сяо Сюаньцянь.

Откуда императору знать, как прислуживать другим? Он явно будет пытаться снова и снова, то и дело выдавая свою неуклюжесть.

Се Вэнь опустил руки, наблюдая, как тот застёгивает ему пуговицы. Всё было в точности так, как он и ожидал — неумело и робко. Это зрелище невольно напомнило ему Сяо Сюаньцяня в юности. В те годы послушный мальчик прятал его ладони под свою одежду с той же неловкостью, однако сквозь ткань отчётливо ощущались живое тепло и быстрый стук сердца. Тот всё твердил, что боится, как бы учитель не обморозил руки. Уверял, будто его сердце такое горячее, что если прижать ладонь к груди, то согреется всё вокруг.

«Сяо Сюаньцянь, твоё сердце действительно горячее?»

Се Вэнь поднял взгляд: пуговицы-узелки сошлись идеально. Когда верхнее одеяние легло на плечи, руки императора вдруг замерли, скользнули вниз и через слои ткани крепко прижались к его талии.

Се Вэнь отступил на шаг, но Сяо Сюаньцянь инстинктивно подался вперёд. Лишь когда его спина упёрлась в холодную стену, он оказался полностью заключён в чужие объятия.

Сяо Сюаньцянь опустил голову, уткнувшись в шею своего учителя. Тревожный колокольчик, что звенел у него в душе, вдруг умолк. Ветра в Поднебесной бушевали неистово, но пока Се Вэнь был рядом, леденящий холод не мог до него добраться.

— Я пытался, — пробормотал Сяо Сюаньцянь. — Правда, пытался. Но я не могу тебя отпустить.

Се Вэнь по привычке приподнял руку, чтобы успокоить его, но вовремя опомнился и остановился. Со смешанными чувствами он спросил:

— Когда ты узнал, что моя смерть была фальшивой?

— Не помню...

— У тебя превосходная память. Ты способен без запинки перечислить малейшие провинности каждого чиновника, которого собираешься казнить.

Губы Сяо Сюаньцзяня дрогнули. Он хотел объясниться, но замялся и лишь глухо, с тоской повторил:

— Я не помню... Помню только, что мне было очень, очень...

Человек, слишком долго занимавший высокий пост, не мог признаться в собственной слабости. Он переплёл свои пальцы с пальцами Се Вэня, прижался щекой к его ладони и, только ощутив это мимолётное утешение, продолжил:

— Я раскопал твою могилу и вскрыл гроб.

Се Вэнь опешил, не зная, смеяться ему или злиться. Вы только посмотрите: даже если этот паршивец своими слезами заставит Хуанхэ выйти из берегов, собачья натура в нём никуда не денется.

— Зачем ты это сделал? — спросил Се Вэнь.

— Было очень холодно, — ответил Сяо Сюаньцзянь. — Та зима выдалась слишком холодной. Я хотел лечь вместе с тобой.

«Лечь вместе со мной? Лежать в одном гробу со скелетом?» Подобное было выше понимания Се Вэня. Он решительно высвободил свою руку.

— Если бы я знал, к чему всё приведёт, ни за что бы не стал учить тебя играть в вэйци.

— Слишком поздно, учитель. Теперь слова бесполезны, ты уже встретил меня.

Отдёрнутую руку тут же поймали за кончик пальца, и хватка маленького волчонка на талии слегка ослабла. Он поднёс палец наставника к губам и слизнул оставшийся на нём цветочный сок.

Обжигающее прикосновение скользнуло по коже, но лицо Се Вэня оставалось бесстрастным, словно его это ничуть не трогало. Он вдруг спросил:

— С чего бы тебе бояться холода?

— Я и сам не знаю, — прошептал Сяо Сюаньцзянь. — Пусть даже всё внутри меня давно обратилось в лёд.

В тот год, когда Се Вэнь инсценировал свою смерть, императорская власть ещё не была сосредоточена в одних руках в полной мере. В секретном докладе, исписанном именами неверных подданных, наконец было вычеркнуто последнее имя, обведённое кроваво-красной, режущей глаз тушью: «Се Вэнь, Се Хуайюй».

Этот «нефрит*» наставлял Сына Неба с юных лет. Учил выстраивать стратегии и действовать наверняка. Учил трижды обдумывать каждый шаг и наносить точный удар. Учил управлять государством, но также учил быть хорошим правителем... Однако после восшествия Сяо Сюаньцзяня на престол конфликты между ними обострялись раз за разом, пока этот некогда самый верный подданный не превратился в ещё одно кровавое имя в секретном докладе.

Смерть старого генерала Чжоу, болезнь старшей принцессы, беспочвенные слухи... Каждое из этих событий ранило его, словно удары бури и клинков. Они были учителем и учеником, но в то же время — правителем и подданным.

Господин императорский наставник скончался снежной ночью.

В ту ночь шёл густой снег, окутавший столицу мёртвой тишиной. Из поместья Се не доносилось ни звука. Белые траурные знамёна сливались с зимним пейзажем, а поминальные свечи перед гробом горели, не угасая. Когда Сяо Сюаньцзянь в спешке прибыл туда, пламя свечи как раз растопило занесённую ветром снежинку.

Его рука опустилась на ледяную крышку гроба. Он приказал открыть его. Под тяжёлым деревом лицо покойного казалось столь же безмятежным, как и при жизни. Сяо Сюаньцзянь долго смотрел на него. В его остывшей груди вдруг поднялась волна невыносимого жара, обжигая горло до крови. С холодным выражением лица император поднял руку, приказывая вернуть крышку гроба на место, а затем резко развернулся и ушёл.

Десять шагов, сто шагов... Он дошёл до самого экипажа, и только тогда обжигающий жар в горле хлынул наружу невыразимой болью. Ступив в снег, Сяо Сюаньцзянь резко выплюнул полный рот крови и едва не рухнул, но стоявший рядом Цуй Шэн вовремя подхватил его. Вокруг императорского экипажа мгновенно поднялась суматоха.

Горячая кровь окропила землю и бесследно исчезла в бескрайней белизне снега.

Сяо Сюаньцзянь закрыл глаза. Затем медленно открыл их снова. Сопровождавшие его придворные пали ниц, запыхавшийся императорский лекарь бежал со всех ног, но сам правитель до сих пор не ощущал реальности происходящего. Он поднялся на ноги и обернулся, чтобы ещё раз взглянуть на поминальный зал.

— Ваше величество...

Наконец-то вся власть принадлежала ему. Наконец-то он мог повелевать судьбами других людей, а не быть пешкой в чужих руках.

Сяо Сюаньцзянь не позволил лекарю коснуться своего запястья. Он поднялся в экипаж, приказав возвращаться во дворец Цзывэй. Смерть этого человека оставила в его душе гнетущую пустоту и чувство нереальности. Как он и думал, внутри у него всё окончательно заледенело. Кого изгнать, кого предать, от кого отказаться... Он размышлял об этом тысячи, десятки тысяч раз.

Он подпёр лоб ладонью — тяжёлый аромат благовоний ударил в голову. Спустя некоторое время он вдруг позвал:

— Цуй Шэн.

Старший евнух склонился ближе.

— Слушаю, ваше величество.

— Тот, кто лежит там... это Се Хуайюй? Это правда он?

Цуй Шэн немного помедлил и ответил:

— Без сомнения, это господин Се.

— Как же... как он мог умереть? — прошептал Сяо Сюаньцзянь. — Я ведь не собирался его казнить.

— Простите старому слуге его дерзость, — осторожно проговорил Цуй Шэн. — Раз господин Се скончался от болезни, вам следовало бы радоваться. Под этим небом оставался всего один человек, способный вас контролировать.

Под этим небом оставался всего один человек, способный его контролировать.

Эти слова эхом отдавались в голове Сяо Сюаньцзяня. Он поднял руку. Плотная тёплая накидка и огонь в жаровне не позволяли замёрзнуть, но кончики его пальцев непрерывно подрагивали. Он дрожал от холода.

То была на редкость суровая зима.

Похороны прошли скромно, Сяо Сюаньцзянь ни во что не вмешивался, и гроб предали земле. Спустя несколько дней, разбирая государственные доклады, он вновь ощутил пронизывающий

холод. Во дворце Цзывэй топили так жарко, что внутри невозможно было находиться даже в плотном верхнем халате. И тем не менее ему всё равно казалось, что он замерзает. Он не мог занести кисть. То самое место в горле, откуда ещё недавно вырвался сгусток крови, до сих пор отзывалось глухой, ноющей болью.

Почему же так?

Последующие дни и ночи превратились для него в непрекращающуюся пытку. Он метался в нерешительности, доставал и перечитывал каждую книгу, по которой его когда-то учил Се Вэнь. Всякий раз, видя пометки учителя, он ненадолго забывал о страданиях — но лишь на мгновение, чтобы тут же сорваться обратно в бездну, раз за разом переживая эту грызущую муку.

Под этим небом оставался всего один человек, способный его контролировать.

Под этим небом оставался всего один такой человек.

Когда он вновь вспомнил эти слова, пламя свечи обожгло ему пальцы, заставив прийти в себя. Летящий на свет мотылёк с шипением затрещал в пламени, сгорев дотла. В ту же ночь император покинул дворец Цзывэй. Он стоял посреди бушующей метели, и порывы ветра, подобно лезвиям, полосовали его тело.

Ещё недавно захороненный гроб откопали заново. Цуй Шэн осыпал правителя бесчисленными предостережениями, умоляя остановиться. Он твердил, что это оскорбит императорское величие, что это дурной знак, и чуть ли не плакал, готовый разбить лоб о землю. Но Сяо Сюаньцяннь оставался непреклонен: леденящий холод, преследовавший его во снах, уже не давал ему дышать.

Крышку гроба открыли во второй раз.

Кроме вороха одежд, внутри ничего не оказалось.

В этот миг все звуки смолкли. Кругом завывал лишь ледяной ветер, снова и снова разрывая на части его самого и всё, что связывало его с учителем.

Он не умер. Он сбежал.

Сяо Сюаньцяннь неотрывно смотрел на пустой гроб.

— Э-это... Ваше величество, господин Се...

— Он бросил меня, — медленно произнёс Сяо Сюаньцяннь, словно смиряясь с очевидным

фактом. — Будь то разлука при жизни или смерть, он в любом случае хотел уйти от меня. Вот что это значит.

— Ваше величество...

Половину жизни его только и делали, что бросали и отвергали. Мать-наложница, отец-император, братья... Он был живым свидетельством одной порочной ночи, доказательством трагедии несчастной женщины — ненужной вещью, на которую никто не обращал внимания. Его никогда не выбирали. Никогда не замечали. Так было всегда.

С самого рождения его существование казалось ошибкой. Сяо Сюаньцзянь вдруг осознал, что ждал Се Вэнь долгие годы, будто вся его прежняя жизнь была лишь подготовкой к встрече с ним... Но даже с этим человеком горький финал оказался неизбежен: музыка смолкла, и гости разошлись.

Что он сделал не так? Сяо Сюаньцзянь не переставал задаваться вопросом: «Какую такую ошибку я совершил, что ты никак не можешь меня простить?»

Се Вэнь больше не желал продолжать этот разговор. Несмотря на мягкий характер, он порой слишком дорожил собственным достоинством, а его сдержанность и скрытность лишь усугубляли эту черту. Ему не хотелось опускаться до открытых ссор с молодым императором.

— Чего ты хочешь? — спросил Се Вэнь. — Не бывает так, чтобы один человек не мог выжить без другого. То, что ты принимаешь за нужду во мне, — не более чем жажда контроля и эгоистичное желание обладать. На самом деле я тебе не нужен.

— Нет. — Дыхание Сяо Сюаньцзяня сбилось. — Мне действительно...

— Тот, кто испытывает искренние чувства, не совершает подобных ошибок, — перебил Се Вэнь, глядя на него. — Ты не можешь пользоваться тем, что я всегда тебя прощаю, и обманывать меня этими словами.

Сяо Сюаньцзянь молча смотрел на него в ответ. Его чёрные глаза казались глубокими, словно бездонный омут. Если бы он сам себя не выдал, никто и никогда не разглядел бы во взгляде этого волка страх и уязвимость.

— Сяо Сюаньцзянь, — внезапно произнёс Се Вэнь, — тебе ведь просто не хватает... домашнего питомца вроде меня?

Прежде чем он успел договорить, его стиснули в удушающих объятиях. Сила Сяо Сюаньцзяня вышла из-под контроля — он сжал своего учителя так, что тот едва мог дышать. Се Вэнь услышал хриплый, глухой голос молодого правителя, в котором сквозь сдерживаемое ледяное спокойствие прорывалась боль от уязвлённой гордости.

— Не говори так, — прохрипел он. — Не говори... Я не... Я имел в виду совсем не это. Учитель, давай начнём всё сначала, хорошо?

Примечание:

Нефрит (玉, yù) — авторская игра слов, отсылка ко второму имени Се Вэня, Хуайюй (怀玉, huáiyù, букв. «хранящий нефрит» — метафора человека с выдающимися талантами и высокими моральными качествами). Кроме того, в традиционной китайской культуре нефрит является главным символом благородства, душевной чистоты, негибаемой воли и идеального учёного мужа.

<http://bllate.org/book/17270/1711578>